

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.058-069

Ф. В. Чирков

Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация

Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей

Резюме. Формирование системы уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей может рассматриваться в качестве актуального и самостоятельного направления уголовной политики государства. Ее легитимность и эффективность напрямую определяются степенью воплощения в принимаемых государством нормотворческих и правоприменительных решениях конституционных стандартов и принципов регулирования уголовно-правовых отношений. Конституционализация уголовной политики в области охраны традиционных ценностей требует не только соблюдения общих принципов: использования уголовного закона в качестве крайнего средства, соразмерности, правовой определенности, справедливости, дифференциации ответственности, гуманизма и др. Она с необходимостью предполагает решение сложной задачи конкретизации в сфере уголовно-правового регулирования иных, содержательно специфичных принципов воплощения традиционных ценностей в законодательстве и практике его применения. В ряду таких принципов первоочередное значение имеет обеспечение конституционной идентичности, баланса конституционных ценностей, солидарности общества. Первый принцип находит воплощение, в частности, в ст. 207.3 УК РФ, в дифференциации уголовной ответственности за действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних в зависимости от вида этого действия (ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ). Примерами нормативной фиксации солидарности общества могут служить статьи 354.1, 144.1–145.1 УК РФ. В свою очередь, поиск баланса конституционных ценностей осуществляется на всех этапах создания и применения уголовно-правовой нормы с учетом конкретно-исторических условий и на основе представлений о конституционной идентичности.

Ключевые слова: традиционные ценности; уголовная политика; уголовное право; конституционные принципы; конкретизация конституционных принципов; конституционализация уголовного права; уголовно-правовая охрана традиционных ценностей; конституционная идентичность; баланс конституционных ценностей; обеспечение солидарности общества

Для цитирования: Чирков Ф. В. Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 58–69. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.058-069

Constitutional Principles of Spiritual and Moral Values Protection under Criminal Law

Philip V. Chirkov

Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The formation of a system of criminal law protection of traditional Russian spiritual and moral values can be considered as an actual and independent direction of the criminal policy of the State. Its legitimacy and effectiveness are directly determined by the degree of implementation of constitutional standards and principles of regulation of criminal law relations in the normative and law enforcement decisions adopted by the State. The constitutionalization of criminal policy in the field of protection of traditional values requires not only compliance with general principles: the use of criminal law as a last resort, proportionality, legal certainty, justice, differentiation of responsibility, humanism, etc. It necessarily involves solving the difficult task of specifying other, meaningfully specific principles of the embodiment of traditional values in legislation and practice of its application in the field of criminal law regulation. Among such principles, ensuring constitutional identity, balance

© Чирков Ф. В., 2024

of constitutional values, and solidarity of society are of primary importance. The first principle is embodied, in particular, in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the differentiation of criminal liability for sexual acts against minors, depending on the type of this action (Parts 1 and 2 of Articles 134 of the Criminal Code). Articles 354.1, 144.1–145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation can serve as examples of the normative consolidation of the solidarity of the society. In turn, the search for a balance of constitutional values is carried out at all stages of the creation and application of a criminal law norm, taking into account specific historical conditions and based on ideas about constitutional identity.

Keywords: traditional values; criminal policy; criminal law; constitutional principles; concretization of constitutional principles; constitutionalization of criminal law; criminal law protection of traditional values; constitutional identity; balance of constitutional values; ensuring solidarity of society

Cite as: Chirkov FV. Constitutional Principles of Spiritual and Moral Values Protection under Criminal Law. *Lex russica*. 2024;77(7):58-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.058-069

Введение

Уголовная политика, основанная на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, может рассматриваться в качестве новой модели уголовно-правового воздействия на криминальные угрозы и их носителей. «Новая» — не значит в принципе неизвестная ранее российской практике. В той или иной степени традиционные ценности всегда присутствовали (и по определению не могли не присутствовать) в предметно-целевом поле уголовно-политической деятельности. Однако существенно скорректированная и соответствующим образом отредактированная уголовная политика, в которой на программном уровне предельно четко зафиксирована связь ее целей и содержания с духовно-нравственными ценностями, может претендовать на то, чтобы считаться «новой» по сравнению с политикой, в которой связь с этими ценностями существовала по большей части латентно, неосознанно или интуитивно. Именно акцентированное внимание на связи уголовной политики с ценностями высвечивает ее свойства и характеристики, которые до настоящего момента оставались в тени исследовательских интересов и которые должны быть предельно ясно осмыслены и артикулированы. Образно говоря, концепт традиционных ценностей становится новой оптикой, сквозь которую необходимо рассмотреть проблемы уголовной политики с тем, чтобы представить ее модернизированную версию.

Будучи неразрывно связанными с текстом Конституции РФ, традиционные ценности приобретают характеристики не просто моральных императивов, но и конституционных тре-

бований, воплощение которых в процессе уголовно-правового регулирования является частью общей задачи конституционализации уголовного права и уголовной политики. При этом традиционные ценности привносят свои содержательные коррективы в общий процесс конституционализации уголовного права, уточняют и развивают его конституционные начала и принципы.

Конституционализация права в одном из своих определений трактуется как продолжающийся процесс конкретизации конституционных начал, освоения конституционных ценностей и норм в действующем законодательстве¹. Такой подход можно взять за основу понимания конституционализации уголовной политики, принимая во внимание, что принципиальных различий в процессах конституционализации права и конституционализации политики быть не должно, поскольку право (и в части создания, и в части применения правовых норм) является собой одну из форм реализации политики. В связи с этим вопрос о конституционализации уголовной политики (в части охраны традиционных духовно-нравственных ценностей) есть прежде всего вопрос о том, какие конституционные начала должны быть конкретизированы в уголовном праве, какие из них служат фундаментом рассматриваемого аспекта уголовной политики, выступают ее принципами. Не углубляясь в обсуждение понятийно-терминологических тонкостей (они не имеют значения для раскрытия нашей темы), все эти конституционные положения будем именовать принципами уголовной политики.

Так как уголовно-правовая охрана традиционных ценностей — одно из направлений

¹ Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25–30.

уголовной политики страны, она с необходимостью подчинена общим принципам уголовной политики. Можно было бы предположить, что в ее основе должны быть также некоторые специальные, предметно определяемые требования. Однако традиционное деление принципов на общие и специальные применительно к принципам конституционного уровня едва ли можно применить, учитывая всеохватывающий объект конституционной регламентации и обобщенный характер конституционных положений. Конституционные принципы всегда универсальны и всеобщы. В связи с этим теоретически более точно говорить о том, что применительно к уголовно-правовой охране традиционных ценностей конституционализация предполагает как воплощение общих конституционных принципов собственно уголовного права, так и конкретизацию иных, содержание специфических принципов воплощения в законодательстве и практике его применения традиционных ценностей.

Общие конституционные принципы охраны традиционных ценностей

Общие конституционные принципы уголовно-правовой охраны традиционных духовно-нравственных ценностей не отличаются от конституционных требований, которые государство должно соблюдать при нормативном регулировании оснований, условий и сроков привлечения к уголовной ответственности в иных ситуациях. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что:

— уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности²;

— в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма³;

— само по себе неустановление законодательством уголовной ответственности за те или иные деяния не нарушает конституционные права граждан, в отношении которых эти деяния совершены, и не препятствует использованию ими в целях защиты своих прав и законных интересов иных правовых средств⁴;

— юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может рассматриваться как нанесение ущерба безопасности государства и влечь для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности⁵;

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 2121 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 515-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трехсвоякова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 293 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision16584.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта “а” статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54 ; постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона “Об оружии” в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. II). Ст. 3633.

— закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, законодатель связан критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия)⁶;

— законодатель обязан соотносить вид юридической ответственности с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств⁷;

— виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов (ограничений); в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое заключается главным образом в превентивном использовании присущих ему юридических средств для защиты прав и свобод человека и

гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства⁸;

— при установлении уголовно-правовых санкций законодатель не может игнорировать принцип *non bis in idem*, который означает, что уголовным законом должна быть исключена возможность повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойного учета одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности⁹.

Изложенные требования к уголовно-правовой охране любых социально значимых объектов (в принципе, хорошо известные политико-правовой и научно-исследовательской практике) выступают фундаментом уголовного права и сохраняют свое конституционное значение в деле охраны традиционных ценностей.

Уголовно-правовая конкретизация конституционных принципов укрепления и защиты традиционных ценностей

Традиционные российские духовно-нравственные ценности привносят дополнительные требования к определению содержания уголовной политики. Прежде всего напомним, что целевое предназначение политики укрепления и защиты традиционных ценностей заключается в защите и укреплении суверенитета России, а политика защиты суверенитета, в свою очередь, имеет

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2022 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. А. Мельниковой» // СЗ РФ. 2022. № 22. Ст. 3755.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3914.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26.05.2000 “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

одним из своих направлений и одновременно средств реализации защиту традиционных ценностей. Целевая и инструментальная взаимосвязь «политики ценностей» и «политики суверенитета» находит прямое выражение в политике уголовной, которая служит средством их силовой, репрессивной поддержки.

В ряду основополагающих конституционных требований, соблюдение которых призвано формировать облик новой уголовной политики и которые справедливо рассматривать в качестве ее принципов, можно назвать: обеспечение конституционной идентичности, обеспечение баланса конституционных ценностей, обеспечение солидарности общества.

1. Конституционная идентичность

Категория конституционной идентичности приобрела особую актуальность в контексте необходимости разрешения противоречий, порождаемых процессами международной интеграции и глобализации в сфере права. Реагируя на них, Конституционный Суд РФ неоднократно заявлял о необходимости уважения «национальной конституционной идентичности», прежде всего субъектами международного права¹⁰, и подчеркнул, что именно Конституция РФ «как Основной Закон выступает высшей универсальной формой легитимации Российской Федерации, закрепляет ее конституционную идентичность во внутрисударственном и международном пространстве»¹¹. Вместе с тем значение конституционной идентичности не ограничивается упорядочением взаимодействия национальной и наднациональных систем права и правопорядка. Выявление и публичная презентация элементов конституционной иден-

тичности важны прежде всего для понимания специфики России самими гражданами России.

В конституционно-правовой науке концепт «конституционная идентичность» оценивается неоднозначно. Некоторые пишут, что он уже оформлен в официальную юридическую теорию, включающую систему воззрений и руководящие принципы, которая оправданно применяется Конституционным Судом РФ¹²; другие настороженно отмечают, что «категория конституционной идентичности с научной точки зрения вызывает некоторые сомнения, а органу конституционного контроля следовало бы, насколько возможно, избегать использования этой категории как аргумента при разрешении споров на практике»¹³. В нашу задачу не входит детальное профессиональное обсуждение вопросов конституционной идентичности. Но некоторые соображения на этот счет высказать необходимо.

Конституционный Суд РФ указал, что понятие «идентичность» охватывает собой «совокупность ценностей, защита которых составляет главный смысл существования государства, и важнейших институтов, эти ценности гарантирующих». Но в то же время отметил, что внешним проявлением, «юридически значимым подтверждением принадлежности к ней тех или иных ценностно-институциональных элементов, доказательством того, что данные ценности или институты действительно образуют основы национального бытия, оберегать которые и предназначен в первую очередь государственный суверенитет, является последовательная защита этих элементов органами суверенной юрисдикции»¹⁴.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31.07.2014 по делу “ОАО ‘Нефтяная компания ‘ЮКОС’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (абз. 3 п. 2) // СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

¹¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» (абз. 4 п. 3) // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

¹² Подольян Д. А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 94–100.

¹³ Троицкая А. А. Конституционная идентичность и где она обитает // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 2. С. 20.

¹⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)». Одобрено решением Конституционного

В таком подходе есть некоторая недосказанность. Идентичность определяется через ценности, которые защищены правом и судом. Конституционный Суд РФ не раскрывает содержания этих ценностей, а как бы «бланкетным образом» отсылает к практике юрисдикционных органов. С учетом места и роли суда в системе органов государственной власти это, пожалуй, верный подход. Ценности не формулируются судом, а «извлекаются» им прежде всего из текста Конституции, иных правовых источников и реальной социокультурной практики. Более того, полное, раз и навсегда данное изложение ценностей едва ли возможно.

Теоретические попытки содержательного определения конституционной идентичности свидетельствуют, что в этом случае речь, как правило, идет о фундаментальных цивилизационно-культурных понятиях, лежащих в основе разрешения тех или иных правовых вопросов, о понимании добра и зла, природы человека, сущности и назначения семьи, материнства, отцовства, воспитания детей, образования, места религии в структуре общества, соотношения частных и публичных интересов и др.¹⁵ Иными словами, речь идет о традиционных ценностях.

Именно сквозь призму этих ценностей в процессе реализации уголовной политики следует проводить толкование объектов уголовно-правовой охраны и применяемых при этом средств, оценку элементов составов преступлений и действий виновных лиц, связанных с причинением общественно значимого вреда.

В частности, Конституционный Суд РФ именно с учетом исторического и культурного наследия народов России, складывающихся на современном этапе развития общества, истол-

ковал формы выражения права на свободу вероисповедания и публичные дискуссии по религиозной тематике¹⁶. На основе традиционных представлений о гуманизме в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик, в частности на сформировавшихся в качестве общепризнанных в российском обществе (и разделяемых всеми традиционными религиозными конфессиями) представлениях о браке, семье, материнстве, отцовстве, детстве, Конституционный Суд истолковал механизм реализации прав лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией¹⁷. Исходя из положений Конституции РФ, согласно которой многонациональный народ Российской Федерации чтит память предков, передавших ему любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, осознает свою ответственность перед потомками, Суд дал толкование ст. 354.1 УК РФ¹⁸.

Тест на соблюдение конституционной идентичности применим и ко многим иным уголовно-правовым нормам. Прежде всего тем, которые затрагивают наиболее чувствительные области проявления личной свободы в государственно устроенном обществе. Например, к нормам об ответственности за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан (ст. 207.3 УК РФ), о дифференциации уголовной ответственности за действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних в зависимости от вида этого действия (ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ) и др.

В условиях формирования уголовной политики, основанной на традиционных ценностях,

Суда РФ от 19.10.2021. С. 94 // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁵ Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 40.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision175797.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ишутова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision491293.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

он должен стать одним из обязательных условий принятия решения о криминализации и проверке состоявшихся решений. В содержательном отношении требование соблюдения конституционной идентичности коррелирует известному принципу социальной, исторической и культурной обусловленности уголовной политики и уголовного права. Однако оно вносит в него значимые подчеркнута правовые ограничения.

По аналогии с проблематикой учета неправовых факторов в процессе эволютивного толкования закона, неправовые факторы конструирования уголовно-правового запрета (культурные, исторические и пр.) в рамках концепции конституционной идентичности ограничиваются текстом Конституции, не приносятся в сферу права извне, а «выводятся» непосредственно из основополагающего конституционного акта. А. А. Троицкая обоснованно отмечает, что формально-юридическая опора на текст Конституции дает по крайней мере три поисковых направления для обнаружения истоков конституционной идентичности: а) текст преамбулы, как правило, отражающей пережитый опыт и/или устремления в будущее; б) текст глав, содержащих основные принципы правового порядка, чаще всего — это главы об основах конституционного строя, иногда — об основах взаимодействия личности и государства; в) текст положений, имеющих повышенную защиту от конституционных изменений. Любого из этих источников может быть достаточно для обнаружения черт конституционной идентичности, а их комбинация может дать обобщенные результаты, поскольку все три элемента текста так или иначе содержат ключевые для данного правового порядка идеи, ценности¹⁹.

Науке и практике еще предстоит обрести методику «выведения» черт конституционной идентичности из текста Конституции РФ, в том числе с учетом президентского указа, определившего перечень традиционных духовно-нравственных ценностей. И это перспективная

приоритетная задача прежде всего специалистов в области конституционного права, философии и социологии права. Специалисты в области уголовного права по большей части могут следовать в фарватере их научных изысканий. Но со стороны криминальных наук необходимую информацию может предоставить криминология, в том числе такие ее разделы, как культурная и историческая криминология.

2. Баланс конституционных ценностей

Тема соотношения конституционных ценностей всегда была в центре внимания правоведов, но в последние годы приобрела повышенную актуальность, в том числе в связи с выявлением параметров конституционной идентичности России, укреплением суверенитета и построением сильного государства. Первое время после принятия УК РФ 1996 г. в уголовно-правовой науке проблема конституционных ценностей обсуждалась по преимуществу с точки зрения расстановки приоритетов в их охране. Если некоторые авторы последовательно отстаивали приоритет интересов личности, ее прав и свобод²⁰, то другие, напротив, писали о необходимости первоочередной защиты государственных и общественных интересов²¹. В последние годы эта дискуссия вышла на новый уровень. Прежняя концепция, обосновывающая наличие конституционно заданной иерархии ценностей, стала активно конкурировать с набирающей силу концепцией, в рамках которой все конституционные ценности признаются равнозначными и несоподчиненными, а задача правового регулирования состоит в поиске оптимального баланса между ними. Г. А. Гаджиев прямо утверждает: «Необходимо искать справедливый баланс между равнозначными конституционными ценностями, когда ни одной из этих ценностей не отдается безусловный приоритет, а действие одного принципа (ценности, права) создает имманентные пределы для другого принципа (права или конституционной ценности)»²². Применительно к сфере регулирования уголовно-правовых отношений тезис сбалансированности интересов четко ар-

¹⁹ Троицкая А. А. Указ. соч. С. 17.

²⁰ См., например: Наумов А. В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В. С. Комиссаров. М. : Проспект, 2006.

²¹ См., например: Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 37.

²² Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челя-

тикулировал Конституционный Суд РФ: «Лишь обращение к методу баланса, применяемого в том числе в контексте аксиологического подхода, обеспечивает конституционно должное соотношение частных и публичных интересов, выступающих основаниями ограничений прав и свобод»²³.

Поиск и обоснование конституционного баланса ценностей приобретает особое значение в ситуациях, когда реализация прав и свобод одного лица затрагивает интересы иных лиц, общества или государства. Именно аксиотелеологический метод (составной частью которого является прием балансировки), будучи ведущим для конституционного нормоконтроля, предполагает проверку конституционности законоположений сквозь призму конституционных ценностей, затрагиваемых соответствующим нормативным регулированием. Применение названного метода позволяет Конституционному Суду РФ, обнаружив, что ситуативное противоречие между отдельными ценностями, вызванное изъянами нормотворчества либо правоприменения, системно связано с дефектным регулированием, определить способы его преодоления (нормативные, правоприменительные) и достичь равновесия между интересами личности, отдельных социальных групп и всего общества²⁴.

Например, Конституционный Суд РФ указал, что порядок реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания требует его соотношения с порядком реализации иных

конституционных прав, в том числе в социально-политической сфере, и обязывает как законодателя, так и правоприменителя, включая суд, обеспечивать разумный баланс интересов верующих и религиозных объединений, с одной стороны, и светских политических и государственных институтов — с другой, не посягая при этом на само существо данного права и не создавая препятствий для его реализации²⁵. В иных ситуациях Конституционный Суд РФ разрешал проблему баланса публичных интересов и права граждан на участие в публичных мероприятиях²⁶. Озвучил Конституционный Суд РФ и свою позицию в отношении необходимости поиска баланса между правом на свободу выражения мнений и иными конституционными ценностями, в том числе правом на доброе имя и свободой политической дискуссии²⁷.

Поиск баланса конституционных ценностей — сложная и по своему содержанию едва ли не центральная задача уголовной политики, с учетом того что суть уголовно-правового запрета и наказания — лишение или ограничение лица какого-либо права — всегда осуществляется в интересах защиты иных прав и законных интересов личности, общества и государства. В данном случае балансировка осуществляется в два этапа. На первом выясняется содержание и пределы того или иного права человека, с тем чтобы сбалансировать их с иными конституционными ценностями и установить границы свободы, неподконтрольности личности в его осуществлении. На втором этапе выясняется на-

бинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6669.

²³ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля...». С. 118.

²⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023. С. 9 // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 06.01.2024).

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2012 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7324.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 2121 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина».

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.1995 № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козырева Андрея Владимировича» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31644.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).

личие баланса между собственно уголовно-правовыми средствами реагирования на злоупотребление этим правом и целями уголовного права. Первая часть в большей степени коррелирует нормативной обрисовке состава правонарушения и диспозиции уголовно-правовой нормы; вторая часть — адекватности правовых средств реагирования на нарушение и адекватности уголовного наказания, законодатель сделал выбор в его пользу. И в том и в другом случае балансировка осуществляется, во-первых, на всех этапах создания и применения уголовно-правовой нормы и, во-вторых, что особенно важно, с учетом конкретно-исторических условий правотворчества и правоприменения и на основе представлений о конституционной идентичности, в том числе на основе традиционных духовно-нравственных ценностей.

3. Обеспечение солидарности общества

Обеспечение сплоченности общества как условие его бесконфликтного и устойчивого развития является актуальной и проблемой, и задачей едва ли не всех государств мира на всех этапах их исторического развития. Россия — не исключение. Еще в 2013 г., рассуждая о проблемах общественного доверия, В. Д. Зорькин вполне обоснованно констатировал, что «общество... “расщепилось” на почти независимо существующие или даже конфликтующие страты с очень разными представлениями о моральном и справедливом. При этом во всех социальных стратах в значительной степени утрачены и альтруизм, и разумность эгоизма»²⁸.

Ответом на вызовы и риски демассификации общества и социальной дезорганизации стало утверждение принципа солидарности. Становление солидарности в качестве общеправовой категории определялось, как отмечает Конституционный Суд РФ, поиском ценностно приемлемого соотношения индивидуальной свободы и социального долга, равновесия между частными и публичными интересами, между отдельными частными интересами, а также между отдельными публичными интересами²⁹.

Сегодня тезис об экономической, политической и социальной солидарности получил непосредственное закрепление в ст. 75.1 Конституции России. Выступая антиподом не только частному эгоизму, индивидуальному и

групповому, но и этатистской абсолютизации публичного в ущерб частному, в тех случаях, когда формальное следование конституционным предписаниям ведет к социально неприемлемым результатам, принцип солидарности способствует нейтрализации злоупотреблений конституционными правами и свободами.

Как определяет Конституционный Суд РФ в цитированном крайне содержательном аналитико-информационном материале, принцип солидарности находится в системной связи с иными конституционными предписаниями, в частности:

— с принципом балансировки конституционных ценностей, которая предполагает поиск их справедливого соотношения, обеспечения полноценного осуществления каждой из ценностей, не отдавая безусловного предпочтения ни одной из них и устраняя возможные между ними противоречия;

— с принципом справедливости, согласно которому во всех правоотношениях с участием субъектов, существенно различающихся между собой по критерию фактического равенства, должна быть обеспечена соразмерность возможностей сильной стороны относительно слабой стороны; в отношениях между фактически равными субъектами должен быть соблюден баланс их прав;

— с принципом юридического равенства, требующего, среди прочего, единообразного применения правовых норм, ясности и непротиворечивости законодательного регулирования, понятности механизма его действия субъектам правоотношений, верховенства закона;

— с принципом доверия граждан к закону и действиям публичной власти, который требует от законодателя обеспечения правовой определенности, устойчивости правового регулирования, недопущения внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемости законодательной политики, с тем чтобы участники правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в защищенности своего официально признанного статуса и приобретенных прав.

В то же время принцип солидарности обладает и собственным оригинальным содер-

²⁸ Зорькин В. Д. Общественное доверие и его роль в функционировании правовой системы // URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=59> (дата обращения: 15.01.2024).

²⁹ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности...». С. 4.

жанием. Социальная солидарность, пишут исследователи, «многоаспектный феномен, отражающий интересы общества и личности как единой социосистемы и вследствие этого отвергающий принцип формирования отношений между отдельными индивидами, социальными общностями исключительно на основе индивидуализма в угоду прибыли, противопоставления частных интересов интересам общества (“совокупной” личности), равно как и подавления частных интересов квазигосударственными, узковедомственными интересами, создавая тем самым мощное противодействие центробежным асоциальным силам, дезинтегрирующих (буквально — разрывающих) общество на конкурирующие и противостоящие друг другу атомарные единицы»³⁰. Проявляя себя в конституционно предусмотренных сферах, солидарность создает благоприятные условия для общегражданского диалога, поддерживая конструктивные взаимосвязи между социальными группами — носителями разнородных интересов при посредничестве, оказываемом в случае необходимости публично-властными институтами. Причем в связи с конституционным признанием солидарность должна рассматриваться не просто как социально-этическая категория, но как категория права, как конституционный принцип, обладающий значимым регулятивным содержанием. Он купирует возникающие коллизии частного и общественного интересов, сглаживая противоречия между ними и обеспечивая социальный консенсус в чистом виде³¹. Недооценка регулятивных возможностей принципа солидарности «может привести к необратимым последствиям, превратить в иллюзию идею консолидации как условия прогресса»³².

Требование солидарности, ввиду его всеобщей конституционной значимости, не ограничивается исключительно сферой регулирования социальных, трудовых, пенсионных, экономических отношений. В полной мере данный принцип охватывает собой и отношения уголовно-правовые.

Например, поскольку принцип солидарности возлагает на ныне живущее поколение обязательство перед ушедшими и будущими поколениями, дополнительные легитимирующие начала приобретают уголовно-правовые нормы об ответственности за реабилитацию нацизма (ч. 1 ст. 354.1 УК РФ), за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны (ч. 2 ст. 354.1 УК РФ). Межпоколенческая солидарность обнаруживает себя в системе правоотношений, связанных с реализацией уголовно-правовых запретов на отказ в приеме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, а равно увольнение с работы такого лица по тем же мотивам (ст. 144.1 УК РФ), отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ), невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ). Общее требование сохранять общенациональное достояние, то культурное и материальное наследие, которое народ России, приняв от предков, должен передать своим потомкам, находит свою конкретизацию в нормах об ответственности за экологические преступления, преступления, связанные с оборотом культурных ценностей, нарушением правил осуществления археологической деятельности и др.

Таким образом, принцип солидарности пронизывает едва ли не все содержание уголовного закона, выступая и основой, и средством сплочения общества на основе традиционных ценностей и конституционной идентичности. Это дало основание специалистам констатировать, что в сфере уголовной политики концептуально оформилась идея использования уголовного закона не столько для охраны прав и свобод граждан, законных интересов органи-

³⁰ Червонюк В. И., Артюхов Ю. С. Солидарность как основа общегражданского согласия — парадигмы современного конституционного развития // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 94.

³¹ Шаламова А. Н. Конституционный принцип социальной солидарности: теоретико-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 75–76.

³² Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 3–7.

заций, правоохраняемых интересов государства или для предупреждения преступлений, сколько для достижения целей социальной интеграции, в том числе для поддержания социального спокойствия, доверия к государству, веры в справедливость³³.

Заключение

Подводя итоги исследованию вопроса о конституционных принципах уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей, представляется возможным сформулировать несколько значимых выводов:

— во-первых, уголовная политика, основанная на традиционных ценностях, выступает средством поддержки, с одной стороны, политики укрепления и защиты традиционных ценностей, которая заключается в защите и укреплении суверенитета России, а с другой стороны — политики защиты суверенитета страны, которая, в свою очередь, имеет одним из своих направлений и одновременно средств реализации защиту традиционных ценностей;

— во-вторых, легитимация и эффективность уголовной политики, особенно в условиях ее трансформации в соответствии с концептами сильного государства и традиционных ценностей, непосредственно зависит от качества

воплощения в законотворческой и правоприменительной практике конституционных принципов и стандартов регулирования уголовно-правовых отношений;

— в-третьих, конституционализация уголовно-правовой охраны традиционных ценностей предполагает реализацию как общих конституционных принципов уголовного права (использования уголовного закона в качестве крайнего средства, соразмерности, правовой определенности, справедливости, дифференциации ответственности, гуманизма и др.), так и конкретизацию в сфере уголовно-правового регулирования иных, содержательно специфичных принципов воплощения в законодательстве и практике его применения традиционных ценностей (обеспечение конституционной идентичности, обеспечение баланса конституционных ценностей, обеспечение солидарности общества);

— в-четвертых, принципы конституционной идентичности, баланса конституционных ценностей и солидарности, каждый в отдельности и особенно в своей совокупности, образуют не только философско-мировоззренческий, но и конституционно-правовой фундамент новой модели уголовной политики, призванной гарантировать суверенитет и безопасность российского государства и признаваемых им правовых благ на основе консолидации общества вокруг разделяемых им традиционных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 8–18.

Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 138–151.

Зорькин В. Д. Общественное доверие и его роль в функционировании правовой системы // URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=59> (дата обращения: 15.01.2024).

Наумов А. В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В. С. Комиссаров. М.: Проспект, 2006. С. 409–412.

Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.бу. 2022. № 5 (79). С. 36–42.

Подольян Д. А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 94–100.

Троицкая А. А. Конституционная идентичность и где она обитает // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 2. С. 12–23.

Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 3–7.

Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. 196 с.

³³ См.: *Босхолов С. С., Максимов С. В.* Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 12.

Хабриева Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25–30.

Червонюк В. И., Артюхов Ю. С. Солидарность как основа общегражданского согласия — парадигмы современного конституционного развития // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 92–95.

Шаламова А. Н. Конституционный принцип социальной солидарности: теоретико-правовой анализ // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 73–78.

REFERENCES

Bosholov SS, Maximov SV. Criminal law policy: experience, problems and ways of improvement. *Prologue: Law Journal*. 2018;3:8-18. (In Russ.).

Chervonyuk VI, Artyukhov YuS. Solidarity as the basis of general civil consent — the paradigm of modern constitutional development. *Law and the State: Theory and Practice*. 2023;10(226):92-95. (In Russ.).

Filimonov VD. *The protective function of criminal law*. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentri-Press Publ.; 2003. (In Russ.).

Galyashina EI, Bogatyrev KM. The concept of «traditional russian spiritual and moral values» in the context of ensuring media security on the Internet. *Lex russica*. 2022;75(10):138-151. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Stages and main directions of constitutionalization of russian legislation annotation. *Journal of Constitutional Justice*. 2013;6:25-30. (In Russ.).

Naumov AV. Constitutional foundations of criminal law protection of human and civil rights and freedoms. In: Komissarov VS (ed.). *Constitutional foundations of criminal law: Proceedings of the 1st All-Russian Congress on Criminal Law*. Moscow: Prospekt Publ.; 2006. (In Russ.).

Pavlov VI. Constitutional identity and the rule of law as two different paradigms of modern constitutionalism. *Pravo.by*. 2022;5(79):36-42. (In Russ.).

Podolyan DA. The formation of the doctrine of constitutional identity. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2017;4:94-100. (In Russ.).

Shalamova AN. Constitutional principle of social solidarity: theoretical and legal analysis. *Altai Law Journal*. 2023;3(43):73-78. (In Russ.).

Troitskaya AA. Constitutional identity and where to find it. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2023;2:12-23. (In Russ.).

Umnova-Konyukhova IA, Aleshkova IA. The principle of solidarity in the post-industrial society: content peculiarities and development tendencies. *Public International and Private International Law*. 2021;1:3-7. (In Russ.).

Zorkin VD. Public trust and its role in the functioning of the legal system. Available at: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=59> [Accessed 15.01.2024].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирков Филипп Викторович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Кубани, докторант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
д. 149, Ставропольская ул., г. Краснодар 350040, Российская Федерация
Fil-chirkov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Philip V. Chirkov, Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of Kuban; Doctoral Student, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
Fil-chirkov@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 7 марта 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2024 г.

Received 06.03.2024.

Revised 07.03.2024.

Accepted 15.06.2024.